

Оригинальная статья / Original article

УДК 82.09

**Интерпретация архетипического сюжета о морской деве и рыбаке
в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина»****Н. С. Степанова¹ ✉, Н. А. Лунева¹**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена изучению особенностей переосмысления М.А. Осоргиным архетипического сюжета о морской деве и рыбаке. Актуальность исследования определена необходимостью осознания трансформации традиционного сюжета и претворения его характерных черт в литературной сказке одного из выдающихся представителей литературы первой волны русской эмиграции, привлечения внимания исследователей к несправедливо ушедшим в забвение страницам литературного творчества писателя, осмысления национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы. Исследование базируется на комплексном подходе, включающем применение сравнительно-исторического, историко-литературного, описательно-аналитического методов.

Проанализированы художественные образы сказки М.А. Осоргина; определено их индивидуально-авторское содержание, отражающее синтез сказочного и реалистического планов повествования. Показано, что, в соответствии с пониманием литературного архетипа как «вечного образа» с его типологической устойчивостью и высокой степенью обобщения, как универсального принципа мышления вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, писатель решает средствами художественной литературы морально-этические проблемы и утверждает общечеловеческие нравственные ценности. Доказано, что образы Царицы-Жемчужины и рыбака актуализируют аксиологический аспект интерпретации рассматриваемой литературной сказки и позволяют понять иерархию ценностей писателя. Установлено, что, несмотря на видимое совпадение образов главных героев, сюжетных линий, мотивов, хронотопа с мифологическими, фольклорными, литературными канонами, М.А. Осоргин разработал сюжет и создал художественные образы, которые обладают неповторимо индивидуальными качествами и характеристиками.

Ключевые слова: М.А. Осоргин; «Царица-Жемчужина»; литературная сказка; архетипический сюжет; морская дева; первая волна русской эмиграции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Степанова Н. С., Лунева Н. А. Интерпретация архетипического сюжета о морской деве и рыбаке в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 104-115.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022

Статья подписана в печать 02.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl»

Nadezhda S. Stepanova¹ ✉, Natalya A. Lunyova¹

¹ Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of M.A. Osorgin's rethinking of the archetypal story about the sea maiden and the fisherman. The relevance of the study is determined by the need to realize the transformation of the traditional plot and implement its characteristic features in the literary fairy tale of one of the outstanding representatives of the literature of the first wave of Russian emigration, to attract the attention of researchers to the pages of the writer's literary work that have unfairly gone into oblivion, to comprehend the national traditions of children's reading and create a more complete history of Russian fiction. The study is based on an integrated approach, including the use of comparative-historical, historical-literary, descriptive-analytical methods.

The artistic images of M.A. Osorgin's fairy tale are analyzed; their individual author's content is determined, reflecting the synthesis of fairy-tale and realistic plans of narration. It is shown that, in accordance with the understanding of the literary archetype as an «eternal image» with its typological stability and a high degree of generalization, as a universal principle of thinking, regardless of national and cultural affiliation, the writer solves moral and ethical problems by means of fiction and affirms universal moral values. It is proved that the images of the Queen of the Pearl and the fisherman actualize the axiological aspect of the interpretation of the considered literary fairy tale and allow us to understand the hierarchy of the writer's values. It has been established that, despite the apparent coincidence of the images of the main characters, storylines, motifs, chronotope with mythological, folklore, literary canons, M.A. Osorgin developed the plot and created artistic images that have unique individual qualities and characteristics.

Keywords: M.A. Osorgin; «Queen-Pearl»; literary fairy tale; archetypal plot; sea maiden; first wave of Russian emigration.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepanova N. S., Lunyova N. A. Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl». *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 104–115 (In Russ.).

Received 12.10.2022

Accepted 02.11.2022

Published 21.12.2022

Введение

Сказка «Царица-Жемчужина» входит в состав сборника М.А. Осоргина «Сказки и несказки», изданного в 1918 году в Москве и включающего одиннадцать художественных текстов, сопровождаемых рисунками А. Сидорова. Этот сборник можно отнести к числу «забытых» и не переиздававшихся в XX веке книг, лаконичные упоминания о которых встречаются в предисловиях к изданию сочинений

писателя (например, О.Ю. Авдеева пишет: «В московском писательском кооперативном издательстве “Задруга” вышло несколько книг Осоргина, в том числе две беллетристических – “Призраки” (1917) и “Сказки и несказки” (1918) <...> Позже Осоргин не хотел даже вспоминать об этих книгах» [1, с. 12]). Последнее утверждение не подтверждено документально и не может препятствовать исследовательскому интересу к научному

изучению отдельных страниц творческого наследия писателя.

Образ главной героини сказки «Царица-Жемчужина» восходит к архетипу морской девы, который «имеет своеобразные воплощения в различных мифологических системах благодаря универсальному для человеческого мышления принципу персонификации природных сил» [2, с. 7]. Рассмотрению воплощения и бытования этого архетипического образа посвящены докторская диссертация (в частности, глава II «Морская дева как архетипический образ») и многочисленные статьи Н.И. Вербы [2, 3]; диссертация У.В. Матасовой [4]; исследования о морских девах/русалках В.И. Дынина [5], Р.Т. Киреева [6], Г.В. Маматова [7] и др., однако сказка М.А. Осоргина еще не становилась предметом специального исследования в названном аспекте.

В персидской космографии говорится о *царице жемчужин*, которая обладает удивительным свойством притягивать к себе «другие жемчужины так же, как магнит притягивает железо» [8, с. 109], но, несмотря на видимое совпадение наименований, в сказке М.А. Осоргина речь идет о художественном объекте с совершенно иными качествами и характеристиками.

Цель и актуальность нашей работы мы видим в изучении освоения и трансформации блестящим художником слова одного из архетипических сюжетов; в возвращении современному читателю художественных произведений М.А. Осоргина для детей и о детях, в привлечении внимания исследователей к несправедливо ушедшим в забвение страницам литературного творчества писателя; в необходимости осмысления национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы.

Материалы и методы

Материал исследования – сказка М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина», в

которой переплетены традиционные сказочные сюжеты, мотивы, художественные образы, переосмысленные творческим гением писателя, жившего и творившего в интертекстуальном поле русской и европейской культуры «во времена культурных переломов, разлома культурных парадигм и переустройства канона», когда «бытование традиций становится проблематичным» [9, с. 9]. М.А. Осоргин, как и его современники, испытал на рубеже XIX–XX веков влияние факторов, которые «обусловили углубленную саморефлексию»: «ощущение глубины изменений, характерное для мировосприятия “конца эпохи”; интенции к “обновлению искусства слова”, погруженность в глубины гуманитарных знаний, “культурное наследие веков”, причем с особым пиететом к философскому, мирозначимому, рефлексивному аспектам культурного опыта» [10, с. 15–16], что и определило особенности его художественного творчества этого периода.

Методы исследования – сравнительно-исторический, историко-литературный, описательно-аналитический. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить сходство и различия явлений словесно-художественного творчества, относящихся к разным национальным литературам. Историко-литературный метод обуславливает изучение произведений писателя в контексте конкретной исторической и культурной эпохи с учетом характерных для нее общих литературных тенденций. Описательно-аналитический метод дает возможность последовательно описывать материал исследования, систематизируя его в соответствии с поставленными исследовательскими задачами.

Результаты и обсуждение

Название сборника «Сказки и не-сказки» можно рассматривать как указание на жанровое определение представленных в нем произведений, а также на

традицию, которую исследователи называют синтезом «сказочного и реалистического планов повествования», предоставляющего возможность «причудливого сочетания повседневности и волшебства с целью переосмысления архетипических образов и мотивов сказки» [11, с. 272].

Зачин сказки «Царица–Жемчужина» в соответствии с традицией знакомит читателя с местом, где происходят описываемые события, – неконкретизированным пространством на границе моря и берега (земли). Главные персонажи: Царица–Жемчужина, которая попала в сети рыбака, и бедный рыбак, безнадежно влюбленный в красивую девушку, дочь богатого торговца, *скупого старика*, – указывают на присутствие узнаваемого сказочного сюжета о морской деве и рыбаке, который выловил в море волшебное существо или предмет, способный исполнить желания.

К текстам-прототипам, прямо или косвенно вдохновлявшим писателя, можно отнести мифы, сказания, баллады о речных нимфах, феях воды (Ундине, Лорелее, Мелузине, Русалке), фольклорные сказки России и народов Европы, такие, например, как «По щучьему велению» (русская), «Находчивая девушка» (итальянская), «Морская дева и слепой свирельщик Коннор» (ирландская), «Пастух и три русалки» (македонская), «Русалка и неверный Эндрю», «Джон Рид и русалка» (шотландские), а также стихотворения и баллады К. Брентано, И.В. Гёте, Г. Гейне, А. Мицкевича и др., литературные сказки «Сказка о рыбаке и его жене» из собрания братьев Гримм, «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Рыбак и его Душа» О. Уайльда и др.

Фабула сказки соответствует традиции: «непременное родство со стихией воды, выход в наш, человеческий мир <...> предательство со стороны человека <...> и возвращение в родную стихию, месть, либо, напротив, прощение человека» [3, с. 124]. В этих сказках почти всегда перед рыбаком встает вопрос: отпу-

стить *рыбку/русалку/морскую деву*, не прося у нее ничего взамен (как это делает старик в сказке А.С. Пушкина: «Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо»), или использовать этот шанс для улучшения своей жизни и исполнения своих заветных желаний. И хотя каждый народ и каждый писатель составляет акценты и нравственные приоритеты по-своему, в этих сказках все же отмечаются совпадения на уровне сюжетных линий, повторяемости поступков или действий героев, а главное – в соответствии с представлением о литературном архетипе как о «сквозной», «порождающей модели», которая, несмотря на то, что она обладает способностью к внешним изменениям, таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро [12, с. 171], – утверждаются общечеловеческие нравственные ценности: добро, справедливость, важность правильного выбора, воздаяние по заслугам.

Главная героиня сказки М.А. Осоргина (на что прямо указывает название) – царица Жемчужина, персонифицированный объект морской стихии. Писатель создает образ царицы Жемчужины в соответствии с архетипическим образом владычицы подводного мира – «свободной царицы над всеми жемчужинами моря», – которая является одним из самых известных волшебных существ. М.А. Осоргин сохраняет и переосмысливает традиционное описание морской девы, которая соответствует сказочным канонам, но является герою и читателю в созданном автором неповторимом образе. Рыбак видел ее только один раз (*во сне или наяву* – сказка не дает ответа): «перед ним на большой раскрытой перламутровой раковине стояла женщина невиданной красоты» в «платье из лунного света»; «неразгаданным светом светился голубой плащ, которым она была покрыта» [13, с. 22–23].

В соответствии с традицией, у нее «чудный голос» – «звучащий потенциал, обусловленный такой неотъемлемой семой архетипа главной героини, как заво-

раживающее, чудесное пение» [3, с. 125]. Знак ее явлений рыбаку в будущем – *предутренняя звезда* (отсылка к Венере, Афродите), от которой «к самому сердцу рыбака протянулась струна, и дрожала, и пела, и рыдала...» [13, с. 29].

Именованье героини отражает ее двойственную суть, принадлежность двум мирам: там, в глубине морской пучины, – она царица, морская дева; здесь, в мире людей, – жемчужина; в этом можно видеть отражение бинарных оппозиций, характерных для мифа и фольклора, таких как волшебное и реальное, материальное и духовное, суша и вода, любовь и смерть, добро и зло.

Как прекрасный объект, известный человеку с незапамятных времен, жемчуг обладает богатством коннотаций; с жемчугом связаны представления как о радости, так и о горе, что определяется его схожестью со слезами («и видел рыбак, как из глаз царицы закапали в море капли крупного чистого жемчуга», «сказывают умные люди, что жемчуг всегда несчастье приносит» [13, с. 27, 28]). Жемчуг – минералоид, который ценится и используется как совершенно особенный драгоценный камень. Как чудо из глубин вод, он «всегда был тем, чем бриллианты, изумруды и рубины никогда не могли быть: он был и остался живым»; жемчужина спрятана в раковине, «подобно Истине, которая таится среди обмана и коварства, и это тоже придает ей особую ценность» [14].

Крупная жемчужина (стоившая целое состояние), которую удалось добыть рыбаку, – это большая редкость: «Таких больших жемчужин не видывали на своем веку и старые рыбаки, и все в один голос говорили, что молодой жених себе невесту со дна моря достал» [13, с. 21]. Эти люди, жители рыбацкой слободы, говорили об удаче рыбака в переносном смысле, имея в виду, что он добыл столь необходимое ему богатство, чтобы его сватовство было принято благосклонно. Когда они говорили «невеста», имели в

виду земную девушку, которая «цвела красотой и здоровьем», была «ласковой», на которой рыбак хотел жениться: «Достал он одну жемчужину – пускай и другую получит!» [13, с. 22]. Однако, сами того не подозревая, они напророчили его судьбу: «невестой» в сюжете сказки оказалась морская дева, которая вернулась в свое подводное царство, а вместе с ней сгинул в бушующем море и рыбак.

Морская дева, Царица-Жемчужина, – главная героиня сказки, но морально-этические проблемы (истинные и мнимые ценности; выбор поступка – выбор судьбы; предательство, раскаяние и искупление) и их решение заключены в действиях человека (рыбака). Хотя сюжет и персонажи сказки «являются в большей или меньшей степени вымышленными, они неизбежно имеют аналоги в реальном мире, по той очевидной причине, что писатели создают художественные миры с опорой на имеющиеся у них знания, которые они черпают из характерных для культуры моделей поведения, взаимодействия с внешним миром и его оценивания» [15, с. 124].

В тексте сказки у рыбака нет имени, и в этом нет ничего необычного: в предшествующей традиции главные герои сказок иногда поименованы (*свирельщик Коннор, неверный Эндрю, Джон Рид*), а иногда – нет (*рыбак, пастух*). О возрасте героя мы можем догадаться по косвенным признакам: он молод и не женат, это время определения им своей судьбы. Писатель лишил рыбака «места» в названии сказки, нарушив прием парности (ср. «Сказка о рыбаке и рыбке», «Морская дева и слепой свирельщик Коннор», «Пастух и три русалки»), и этот факт можно расценивать как выражение авторской позиции, авторской оценки действий рыбака.

Рыбак «оказывается перед лицом испытания, которое не проходит, делая выбор в пользу материального» [3, с. 128]. Он знает, что есть только один способ спасти душу Царицы-Жемчужины: бро-

свить ее назад в море – без откупа. Решение этой проблемы оказывается непосильным для рыбака, живущего по законам мира, где материальная выгода – превыше всего: «И бросил бы я тебя в море, да как же мне тогда быть? С тобой я богат и желанный жених, а без тебя опять стану нищим: засмеют меня люди, и отец моей милой из дому меня выгонит» [13, с. 27].

С этого момента в сказке начинает звучать мотив, который, по Осоргину, принципиально важен и безальтернативен, поскольку выражает убеждение, отстаиваемое им всю сознательную жизнь: мотив свободы, которая *в тысячу раз ценнее жизни* и дорожке которой ничего нет: «Свободный человеческий дух не мирится ни с постоянными, ни с временными узами, ни с вредным, ни с “полезным” насилием <...> В идее святости, т. е. независимости, достоинства, неприкосновенности человеческой личности, никаких оговорок быть не должно» [16, с. 419, 420]. Царица-Жемчужина объясняет рыбаку, что она была *свободной* царицей над всеми жемчужинами моря, а теперь – его *пленница*; что драгоценный металл, в который ее закуют, – это *кандалы*; рефреном звучит ее фраза «Душа моя умрет, рыбак!». Однако отпустить Царицу-Жемчужину и отказаться от своего земного человеческого счастья – непосильная задача для рыбака.

М.А. Осоргин уделяет большое внимание психологическому состоянию рыбака, интерпретируя «сказочные архетипы и символы, наполняя их глубоким психологическим смыслом» [11, с. 274]. Расплатой за неверное решение становятся тоска, одиночество, несчастье любимой невесты/молодой жены. Продав жемчужину, рыбак поступил с выгодой для себя, потому что он несвободен в выборе, – и его мир поколеблен: «богатство шло к нему так, что дивились люди, а сам рыбак был грустен, задумчив и забыл, как смеются», «молчаливый и скучный возвращался он домой, делал не то, что нуж-

но, отвечал невпопад и смотрел, ничего не видя» [13, с. 28–29].

Поиск читателем ответа на вопрос, почему же несчастлив рыбак, актуализирует аксиологический аспект интерпретации этой литературной сказки: «рассмотрение вопроса о подлинных и мнимых ценностях дает возможность более глубокого понимания художественного мира писателя» [17, с. 82], позволяет понять его иерархию ценностей.

Царица-Жемчужина говорит рыбаку: «Тех сокровищ, которыми я обладала, хватит, чтобы купить все ваши столицы, города и села с людьми в придачу. Но то, что кажется людям драгоценностями, мы считаем только красивыми и ничтожными игрушками» [13, с. 25], – однако ослепленный *привалившим счастьем* бедный рыбак не может поверить в то, что исполнение земных желаний и материальное благополучие могут быть названы *красивыми и ничтожными игрушками*. Простая фраза «*бедному рыбаку привалило счастье*», с которой начинается повествование, в сознании и подсознании русского читателя актуализирует спектр коннотаций: бедный – *малоимущий или неимущий, у которого не хватает денег или других средств, скудный, несчастный, жалкий*, – и заставляет беспокоиться.

Зачин сказки настраивает на тревожный лад, возможно, потому, что непонятно, сможет ли *маленький человек* справиться с искушением большого (*привалило*) богатства. Читатель узнает, какое решение принял рыбак, как он распорядился полученным сокровищем, что для него оказалось на чашах весов: душа, сердце, истинная духовность, радость и бесценность человеческой жизни vs богатство, материальное благополучие, – и как он расставил жизненные приоритеты. Однако ответ на главный вопрос об истинных и мнимых ценностях придет не сразу.

Специалисты в области когнитивной лингвистики утверждают, что концептуальные метафоры (а одной из них, несомненно, является «сокровище»), «опира-

ясь на концептуальную модель, содержащую все знания и весь ценностный опыт, накопленный русской и мировой традицией, способны предлагать выход из сложных ситуаций, настраивать на определенный тип поведения, влиять на процесс принятия решений» [17, с. 88]. М.А. Осоргин не оставил внимательного читателя в неведении относительно своей точки зрения и своего выбора: *сокровищем* для него являются понятия исключительной ценности: свобода, которая «в триллион раз ценнее жизни» [18, с. 587], верность (как недопустимость предательства), бесценность истинной красоты.

В сказке рыбак сделал свой выбор: он не отпустил Царицу-Жемчужину обратно в море, не смог даровать свободу морской владычице, но предпочел получить мнимое богатство, обрекая себя на вечные мучения невозможности забыть «о загубленной им душе прекрасной Жемчужины» [13, с. 27]. Сказка повествует о том, что только полгода таких душевных мук смог выдержать рыбак: «через полгода после свадьбы ушел рыбак из слободы, не простившись с женой и никому не сказавшись. Куда ушел, – про то никто не знал» [13, с. 29]. Этот сюжетный поворот понятен читателю: рыбак *ушел искать свою жемчужину*, чтобы искупить свою вину.

Развитие сюжета сказки «Царица-Жемчужина» соответствует хронологическому течению событий; единственным ретардирующим элементом является рассказ Царицы-Жемчужины о ее жизни *в перламутровом дворце на самой глубине*. Текст разделен автором на шесть частей: 1 – бедный рыбак выловил жемчужину и получил согласие отца любимой девушки, 2 – сон рыбака: рассказ Царицы-Жемчужины, 3 – сон рыбака: принятие решения, 4 – свадьба и полгода жизни после свадьбы, 5 – скитания и поиски рыбака, обнаружение им корабля, который увозил его жемчужину в далекие страны, 6 – корабль и белый парус рыбацкой лодки в бушующем море, финал.

В частях 5 и 6, которые описывают поиски рыбака, исчезают социально-бытовые реалии; появляются описания мучений и терзаний души рыбака, изменяется стилистика повествования, которое теперь наполнено метафорами, аллегориями, символами. Перед читателем уже не веселый молодой рыбак, а *безумец в изорванной одежде*, одержимый идеей, известной только ему одному, который идет, «не разбирая дороги, не справляясь у встречных, не отдыхая в пути», «без дороги, раздвигая руками колючий кустарник» [13, с. 29]. Тревогой наполнены последние часы его жизни: «смеялась ночная птица», «от предутренней звезды к самому сердцу рыбака протянулась струна, и дрожала, и пела, и рыдала», «где-то в глубине леса невидимый кузнец мерно ударял молотом по наковальне» (это стучит сердце несчастного рыбака и тяжелый молот, который кует для жемчужины *кандалы из чистого золота*) [13, с. 30]. Рефрен, который в финале повторяется семь раз: *уже тяжелый молот кует мне кандалы, уже стоит корабль, уже светлело небо, уже взошла звезда, уже заалел восток, уже взошло солнце, уже не видно было корабля* – нагнетает ощущение безысходности *опоздания* и неизбежности *страшного пути*.

В соответствии с канонами жанра волшебной сказки у нее должен быть счастливый финал. Композиция же сказки М.А. Осоргина представляет собой «обратную проекцию постоянной мифологической структуры волшебной сказки»: «если в фольклорном жанре действие начинается с потери и завершается ее ликвидацией», то в сказке «Царица-Жемчужина» (так же, как, например, в «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина) для человека, главного героя, всё начинается с обретения, а заканчивается потерей; «чудесные дары в конечном итоге обращаются в ничто» [19, с. 131].

Можно ли считать финал сказки «Царица-Жемчужина» счастливым? Если главный герой сказки – Царица-Жемчу-

жина (о чем свидетельствует название), то можно; если – рыбак, то по земным, человеческим меркам – нельзя (сначала его настигает безумие, а потом он погибает). Прямой вины Царицы-Жемчужины в гибели рыбака нет, что подтверждает и финальная фраза сказки: «Море вернуло Жемчужине её подводное царство» [15, с. 32].

Выводы

В соответствии с устоявшимися традициями Царица-Жемчужина М.А. Осоргина похожа на собирательный образ морской девы: ей присущи *невиданная красота, чарующий голос*; сила, которую дает ей *власть над морской пучиной*, и слабость, которая заставляет ее просить и плакать (*затуманились очи царицы жемчужин, из глаз её закапали в море капли крупного чистого жемчуга*). Можно полагать, что она поименована (*Царица-Жемчужина* с прописных букв), хотя именем в строгом смысле слова это считать нельзя; остальные герои названы просто *рыбак, невеста, богатый торговец* (или *старик*). Описано место ее обитания – подводное царство, в котором она была счастлива. По сюжету понятно, что она не связана никакими предшествующими драматическими событиями с земной жизнью.

Царица-Жемчужина М.А. Осоргина не пытается вступить в связь с рыбаком, соблазнить его (как это делают морские девы/русалки, мотивированные жаждой обретения бессмертной души), поэтому в сказке нет мотива *любви* или *неверного возлюбленного*. Она волшебное существо, и не стремится стать земной, живой девушкой; она всего лишь *хотела увидеть людей*. Царица-Жемчужина дружелюбна по отношению к рыбаку, но, как и другие морские девы, при невыполнении просьбы (несоблюдении договора) представляет и серьезную угрозу, опасность для рыбака.

В сказке присутствует мотив социального неравенства главных героев, но морская царица М.А. Осоргина по статусу

су выше земного человека, который ее продает. Мотив вероломства, предательства со стороны рыбака только намечен: он ничего ей не обещал, хотя понял суть ее просьбы; он сразу сказал, что продаст ее, потому что не в силах отказаться от своего земного счастья.

По Осоргину, *владеть* живой душой нельзя, и поэтому рыбак наказан за сделанный выбор безумием (которое проявляется в его внешнем виде и поведении с точки зрения людей; в том, что ему постоянно чудится *стон жемчужной души*, он слышит голос ночной птицы, которая смеется над ним), раскаянием и одержимостью стремлением искупления совершенного им деяния. По сюжету, сама Царица-Жемчужина не предпринимает никаких действий для наказания рыбака: и не мстит, и не прощает. Лишь в финале изменяется содержание ее зова: «Спешите, рыбак! Я здесь, я жду тебя! Скоро, скоро мы будем в моем подводном царстве, в моих коралловых лесах, в моем дворце из перламутра. Спешите ко мне, мой рыбак!» [курсив наш – Н.С., Н.Л.].

У М.А. Осориной «были отчетливые этические представления, этическая система, довольно полно выраженная» [20, с. 144] в его творчестве, при этом отсутствие навязчивого нравоучения – характерная черта сказок и несказок писателя, который утверждал важность духовного и брэнность материального, противопоставляя *богатство сказки* со всеми возможностями ее толкования *дешевке научной истины* [18, с. 634]. И несмотря на то, что позиция автора понятна: нет ничего дороже свободы; важность правильного выбора безусловна, поскольку есть такие ошибки, которые можно исправить, только заплатив за это жизнью; ценность живой души несопоставима ни с какими *драгоценностями*, – М.А. Осоргин оставляет читателю возможность многозначного толкования сказки, переосмыслив сюжет о морской деве и рыбаке в соответствии со своими творческими задача-

ми. Писатель разработал сюжет и создал художественные образы, которые обладают неповторимо индивидуальными качествами и характеристиками, что привело к изменению взаимоотношений между

главными героями, модификации всей художественно-образной системы сказки, а в целом – к обновлению архетипического сюжета о морской деве и рыбаке.

Список литературы

1. Авдеева О.Ю. «Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...» // Осоргин М.А. Собрание сочинений. Т.1. Сивцев Вражек: Роман. Повесть о сестре. Рассказы / Составление, предисловие, комментарии О.Ю. Авдеевой. М.: Моск. рабочий; НПК «Интелвак», 1999. С. 7–30.
2. Верба Н.И. Архетипический образ морской девы в музыкальной культуре: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2021. 562 с.
3. Верба Н.И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2(23). С. 124–128.
4. Матасова У.В. Мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2011. 24 с.
5. Дынин В.И. Образ русалки в южнорусской мифологии // БЕРЕГИНЯ. 777. СОВА: Общество. Политика. Экономика. 2012. № 3 (14). С. 112–116.
6. Киреев Р.Т. Русалка // Киреев Р.Т. Богини Парнаса: о тех, кого любили русские поэты. М.: Глобулус: ЭНАС, 2005. С. 103–110.
7. Маматов Г.В. Образ морской девы в поэзии К.Д. Бальмонта // Филология и человек. 2022. № 1. С. 140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11).
8. Юрченко А.Г. Книга камней. СПб.: Евразия, 2007. 223 с.
9. Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века. Курск: ООО «Учитель», 2012. 246 с.
10. Митус И.В. Анализ структурно-семиотических компонентов развития литературы // Вестник филологических наук. 2022. Т. 2. № 2. С. 13–19.
11. Жуковская А.А. Сказочная традиция в волшебном рассказе А. Байетт «драконий дух» // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 18–19 марта 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 272–275.
12. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–177.
13. Осоргин М. Сказки и несказки. М.: Тип. Т-ва «Задруга», 1918. 161 с.
14. Жемчуг // SYMBOLARIUM: Краткая энциклопедия символов. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Жемчуг>.
15. Косиченко Е.Ф. Структурообразующий потенциал культурных моделей в художественном нарративе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 1. С. 122–130.

16. Осоргин М. Письма к старому другу в Москве // Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. С. 419–430.
17. Степанова Н.С. Концепт «золото» в художественном мире И.С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето Господне», «Богомолье») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. № 4 (29). С. 82–89.
18. Осоргин М.А. Времена // Осоргин М.А. Свидетель истории: Романы, повести, рассказы. М.: Эксмо, 2010. С. 577–733.
19. Дыханова Б.С. Еще раз о «намеках» и «уроках» пушкинской фольклорной стилизации («Сказка о рыбаке и рыбке») // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 4(265). С. 131–133.
20. Степанова Н.С. Аксиология детства в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья. Курск: ООО «Учитель», 2011. 215 с.

References

1. Avdeyeva O. Yu. "Luchshiye na svete knigi napisany bol'shimi serdtsami..." ["The best books in the world are written by big hearts..."]. *Osorgin M.A. Sobraniye sochineniy. T.1. Sivtsev Vrazhek: Roman. Povest' o sestre. Rasskazy* [Osorgin M.A. Collected works. Vol. 1. Sivtsev Vrazhek: A novel. A story about a sister. Stories]. Moscow, Mosk. worker; NPK "Intelvak" Publ., 1999, pp. 7–30.
2. Verba N.I. *Arkhetipicheskiy obraz morskoy devy v muzykalnoy kulture*. Diss. d-ra iskusstvovedeniya [Archetypal image of the sea maiden in musical culture. Dr. art criticism sci. diss.]. St. Petersburg, 2021. 562 p.
3. Verba N.I. K probleme peresecheniya arkhetipov syuzhetov o morskikh devakh s mirovozzrencheskimi konstantami epokhi romantizma [On the problem of intersection of archetypes of plots about sea maidens with worldview constants of the era of romanticism]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society. Wednesday. Development*, 2012, no. 2(23), pp. 124–128.
4. Matasova U.V. *Motiv "vodnoy devy" v tvorchestve nemetskikh i russkikh pisateley epokhi romantizma*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The motif of the "water maiden" in the work of German and Russian writers of the era of romanticism. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nizhniy Novgorod, 2011. 24 p.
5. Dynin V.I. *Obraz rusalki v yuzhnorusskoy mifologii* [The image of a mermaid in South Russian mythology]. *BEREGINYA. 777. SOVA: Obshchestvo. Politika. Ekonomika = BEREGINYA. 777. OWL: Society. Politics. Economy*, 2012, no. 3 (14), pp. 112–116.
6. Kireyev R.T. *Rusalka* [Mermaid]. *Kireyev R.T. Bogini Parnasa: o tekhn, kogo lyubili russkiye poety* [Goddesses of Parnassus: about those who were loved by Russian poets]. Moscow, Globulus: ENAS Publ., 2005, pp. 103–110.
7. Mamatov G.V. *Obraz morskoy devy v poezii K.D. Balmonta* [The image of a sea maiden in the poetry of K.D. Balmont]. *Filologiya i chelovek = Philology & Human*, 2022, no. 1, pp. 140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11).
8. Yurchenko A.G. *Kniga kamney* [Book of Stones]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2007. 223 p.
9. Stepanova N.S., Kokovina N.Z., Samofalova E.A. *Antropologicheskii diskurs kategorii pamyati v avtobiograficheskikh tekstakh kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka* [Anthropological

discourse of the category of memory in autobiographical texts of the late XIX – first half of the XX century]. Kursk, 2012. 246 p.

10. Mitus I.V. Analiz strukturno-semioticheskikh komponentov razvitiya literatury [Analysis of structural and semiotic components of literature development]. *Vestnik filologicheskikh nauk = Philological Sciences Bulletin*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 13–19.

11. Zhukovskaya A.A. Fairy-tale canon in A. Byatt's fairy story "Dragon's breath" [The fairy-tale tradition in A. Bayett's magical story "The Dragon Spirit"]. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nyye voprosy i perspektivy razvitiya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects. Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2021, pp. 272–275.

12. Bolshakova A. Yu. Literaturnyy arkhetyp [Literary archetype]. *Literaturnaya ucheba = Literary studies*, 2001, no. 6, pp. 169–177.

13. Osorgin M. *Skazki i neskazki* [Fairy Tales and Non-Fairy Tales]. Moscow, Tip. T-va "Zadruga", 1918. 161 p.

14. Zhemchug. *SYMBOLARIUM: Kratkaya entsiklopediya simvolov* [SYMBOLARIUM: A Concise Encyclopedia of Symbols]. Available at: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Zhemchug>.

15. Kosichenko E.F. Ctrukturoobrazuyushchiy potentsial kul'turnykh modeley v khudozhestvennom narrative [Structural Potential of Cultural Models in Narratives]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2022, no. 12 (1), pp. 122–130.

16. Osorgin M. Pis'ma k staromu drugu v Moskve [Letters to an old friend in Moscow]. *Kostikov V.V. He budem proklinat' izgnan'ye... (Puti i sud'by russkoy emigratsii)* [We will not curse exile... (Ways and fates of the Russian emigration)]. Moscow, Intern. Relations Publ., 1990, pp. 419–430.

17. Stepanova N.S. Kontsept "zoloto" v khudozhestvennom mire I.S. Shmeleva (na materiale avtobiograficheskikh knig "Leto Gospodne", "Bogomol'ye") [The concept "gold" in the artistic world of I.S. Shmelev (on the material of autobiographic books "The Summer of the Lord", "Pilgrimage")]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2018, no. 4 (29), pp. 82–89.

18. Osorgin M.A. Vremena [Times]. *Osorgin M.A. Svidetel' istorii: Romany, povesti, rasskazy* [Witness of History: Novels, Novellas, Stories] Moscow, Ehksmo Publ., 2010, pp. 577–733.

19. Dihanova B.S. Yeshche raz o "namekakh" i "urokakh" pushkinskoy fol'klornoy stilizatsii ("Skazka o rybake i rybke") [Again about the "hints" and "lessons" of Pushkin's folk stylization ("The tale of the fisherman and the fish")]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*, 2014, no. 4(265), pp. 131–133.

20. Stepanova N.S. *Aksiologiya detstva v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkogo zarubezh'ya* [Axiology of childhood in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration]. Kursk, 2011. 215 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ns-kursk@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6834-5361, SPIN-код: 4924-9710, AuthorID: 443149

Nadezhda S. Stepanova, Dr. of Sci. (Philological), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ns-kursk@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6834-5361>, SPIN-код: 4924-9710, AuthorID: 443149

Лунева Наталья Алексеевна, аспирант кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: natavvvv@mail.ru, SPIN-код: 6304-7350, AuthorID: 1170838

Natalya A. Lunyova, Post-Graduate Student of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: natavvvv@mail.ru, SPIN-код: 6304-7350, AuthorID: 1170838